

Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения

УДК 316.64

Николай Мысливец,
кандидат социологических
наук, доцент

Николай Мысливец. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения. Особенности развития современного белорусского общества обуславливают существенное возрастание интереса к проблеме изучения и сохранения исторической памяти населения страны. Понимание того факта, что историческая память обладает не только значительным стабилизирующим и консолидирующим, но и инновационным потенциалом общественных изменений, требует глубокого анализа ее содержания, механизмов формирования и особенностей межпоколенческой трансляции.

Ключевые слова: память, прошлое, историческая память, белорусское общество, методология исследования.

Mikalay MYSLIVETS. Historical memory: Relevance of study and need to preserve. The study and preservation of historical memory of Belarusian people has taken on new significance as Belarus entered the current development stage. It is important to understand that historical memory plays a significant stabilizing and consolidating role, it also has innovative potential for social change. This necessitates an in-depth analysis of historical memory, mechanisms of its formation and features of inter-generational communication.

Keywords: memory, past, historical memory, Belarusian society, research methodology.

Память является одним из важнейших отличительных качеств человека и неотъемлемым условием полноценного функционирования общества. Она выражается в осмысленном отношении к собственному прошлому, служит источником личного самосознания и самоопределения, выступает в качестве основы национальной идентичности, а ее уничтожение, искажение или фальсификация приводят не только к уничтожению всего накопленного ранее социально-исторического опыта, но и нации в целом. «Без памяти мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертво для будущего. Настоящее, по мере его протекания, безвозвратно исчезало бы в прошлом. Не было бы ни основанных на прошлом знаний, ни навыков...» – так писал о сущности памяти известный советский психолог С.Л. Рубинштейн [1, с. 302].

Память неизменно сопровождает все многообразные формы человеческой деятельности: науку и образование, производство и рекламу, воспитание подрастающих поколений и здравоохранительные практики. Она представляет собой одновременно и психический процесс, благодаря которому обеспечивается возможность сохранять накопленный ранее опыт, и специфическую интеллектуальную и социальную деятельность, целью которой выступает запоминание,

[ОБ АВТОРЕ]

Мысливец Николай Леонтьевич.

Родился в 1971 году в г. Дисне Миорского района Витебской области. Окончил исторический факультет БГУ (1993), в 1999–2004 годах являлся соискателем в Институте социологии НАН Беларуси.

Работал учителем истории и обществоведения в гимназии № 10 г. Гродно, преподавателем кафедры гуманитарных наук Гродненского государственного медицинского университета.

С 2004 по 2021 год – в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы. В 2019–2021 годах – заведующий кафедрой

социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма этого вуза. С 2021 года – директор Института социологии НАН Беларуси.

Кандидат социологических наук (2005), доцент (2008).

Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций.

Сфера научных интересов: социализация молодежи в современном обществе, социология исторической памяти, социология образования.

воспроизводство и межпоколенческая трансляция ранее усвоенной информации. И этим память человека существенно отличается от естественно-природной памяти животных, поскольку в своей основе имеет социально-культурный характер. Благодаря чему сохраняется историческая преемственность, традиции, ценности, формируются устойчивые связи с каждым новым поколением. Наконец, память нам нужна для сохранения собственной самости, чтобы на протяжении всей своей жизни человек мог оставаться собой, поддерживать единство собственной личности и целостность общества, в котором живет.

Концептуализация понятия

Память о прошлом представляет собой сложную многоуровневую систему, структурными компонентами которой выступают прежде всего память индивидуальная и память коллективная. Как пишет немецкая исследовательница А. Ассман, индивидуальная память является динамичным средством проработки индивидуального опыта [2, с. 21]. Она включает в себя все, что связано с субъективным восприятием фактов, явлений, событий прошлого, которые реконструируются в образы исторической эпохи. Такая память может не выходить за рамки коллективной, может быть уже коллективной либо в каких-то аспектах шире ее – в этом случае возможна корректировка последней и даже смена взгляда на характер события или эпохи.

Коллективная память содержательно связана с отрефлексированным опытом совместной жизни отдельных социальных групп, общностей (поколенческих, этнических, конфессиональных, поселенческих и т. д.). В ней вырабатываются и сохраняются общие ценности, стереотипы, типичные практики поведения. Важнейшее значение коллективной памяти в деле формирования нации (хотя сам термин появился несколько позже) продемонстрировал французский религиовед и писатель Эрнест Ренан в докладе «Что такое нация», который был им прочитан в Сорбонне в 1882 году [3]. В коллективную память как целенаправленно, так и спонтанно могут проникать различного рода изображения, образы, интерпретации, как реальные, так и вымышленные, либо даже специально сконструированные. Как показывает современный опыт (и не только), такими образами можно легко манипулировать, сокращая тем самым плюрализм прошлого, а следовательно, настоящего и будущего.

Двумя полюсами одной оси (коллективной памяти) являются память коммуникативная и память культурная: такова идея немецкого ученого Я. Ассмана. Коммуникативная память носит неформальный характер, она является «живой» и состоит из воспоминаний, связанных с прошлым трех-четырёх поколений (примерно 80–100 лет). Для поддержания коммуникативной памяти в актуальном состоянии не требуются специалисты, она ограничивается временным диапазоном, равным продолжительности жизни одного поколения, с уходом которого исчезает и она. Культурная память, в отличие от коммуникативной, представлена в различного рода символических формах: ритуалах, танцах, одежде, украшениях, живописи. Такая память институционализована, она не распространяется сама собою, а нуждается в специальных механизмах и институтах трансляции, предполагает наличие особых мест для материализации процесса воспоминаний и имеет особых носителей.

Вышеприведенные трактовки понятийного аппарата памяти (памятей) о прошлом не исчерпывают всего многообразия подходов к определению данного феномена. Все указанные дефиниции объединяет одно: осознание того факта, что в процессе деятельности коллектива или общества в целом складывается особый, внешний по отношению к памяти отдельного индивида механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве.

За последние годы в лексиконе широкого круга авторов, научно-практический интерес которых обращен к исследованию проблем сохранения историко-культурного наследия, поддержания преемственности поколений, выявления особенностей социальной детерминации прошлого, выработки механизмов формирования общественного и индивидуального сознания в настоящем, прочно закрепился термин «историческая память». Изучение ее сущности и особенностей формирования занимает одно из центральных мест в работах историков, философов, политологов, культурологов, социологов, привлекает пристальное внимание специалистов в области образования и культуры, органов государственной власти и государственного управления, средств массовой информации [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

В самом общем виде историческую память можно определить как устойчивую совокупность бытующих в общественном сознании и передающихся от поколения к поколению сведений о прошлом, знаний, представлений, – пережитых, глубоко осмысленных, прочувствованных. Это особая система координат, в границах которой определяются и формируются контуры настоящего и будущего, которые подтверждают коллективную идентичность членов данного

общества, указывают на их единство во времени и пространстве. В отличие от исторической науки ей свойственна не только и не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка всего пережитого. Вместе с тем представление о том, что память и история диаметрально противоположны, также не является безусловно верным. Как пишет немецкая исследовательница А. Ассман, «не отказываясь от данной оппозиции целиком, мы, однако, все более чутко воспринимаем многообразные взаимосвязи, наблюдаемые в серой зоне между историей и памятью» [4, с. 210].

Являясь одним из феноменов общественного сознания, историческая память обладает не только значительной инерционной устойчивостью, но и подвергается определенным изменениям в процессе исторического развития, выступает в качестве объекта целенаправленного воздействия как со стороны государства, так и ряда других заинтересованных сторон, стремящихся таким образом обеспечить либо сохранение ее фундаментальных положений для будущих поколений, либо же, напротив, ее переформатирование в угоду претендующим на власть силам. Вследствие этого сохранение исторической памяти было и остается важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности страны. Особенно остро такой вопрос стоит в настоящее время, когда отдельные страницы прошлого превратились в информационное поле самой ожесточенной борьбы за историческую правду и справедливость. В результате целенаправленного деструктивного информационного воздействия на сознание людей происходит размывание исторической и национальной самобытности суверенных государств, преднамеренно ослабляются патриотические чувства граждан, предпринимаются попытки перекодировать традиционные духовно-нравственные ценности и нормы. Наконец, фальсификации прошлого выступают непосредственным инструментом дестабилизации внутриполитических процессов. В связи с этим особую актуальность приобретает задача выработать четкие критерии оценки событий и роли личностей в истории государства, не допустить развития идей, которые будут работать против консолидации общества в будущем.

Причины актуализации проблематики исторической памяти на рубеже II–III тысячелетий

В последние десятилетия изучение исторической памяти стало распространенной исследовательской установкой, широко представленной в различных отраслях социогуманитарного знания. Необходимость ее глубокого, всестороннего и комплексного глубокого научного изучения диктуется рядом обстоятельств.

Если на протяжении практически всей предыдущей истории человечества традиционными сферами соперничества и противоборства государств являлись суша и море, а позже – воздух и космос, то в настоящее время ареной такого противостояния выступает современное информационное пространство. Именно здесь ведется активная борьба за умы и настроения людей на поле поиска исторической правды и справедливости. Общеизвестно: позитивный образ прошлого способен оказать значительное стимулирующее воздействие на формирование жизненных стратегий различных социальных групп, выступить в качестве одной из ведущих движущих сил развития страны в XXI столетии. В данном контексте значительный научно-теоретический и практический интерес представляет национальное измерение исторической памяти жителей Беларуси, выявление и глубокий научный анализ ее социально-демографических и региональных особенностей.

С конца XX – начала XXI века в мире активно разворачивается процесс виртуализации и цифровизации исторической памяти. Наряду с традиционными средствами ее хранения и воспроизводства информация о прошлом находит отражение на страницах веб-сайтов, в социальных сетях, интернет-порталах. Изучение недостатков и преимуществ, особенностей и последствий формирования исторической памяти в режиме онлайн представляет особое практически значимое направление социологических исследований и пока еще ожидает своих авторов.

Одной из причин актуализации исследовательского интереса к вопросам сохранения исторической памяти является воздействие на ее содержание существенно расширившихся миграционных потоков. Иностранцы граждане, прибывающие в новую для себя страну, приносят с собой свои культуру, ценности, память о прошлом. Увеличение числа мигрантов приводит к размыванию национальных, территориальных, временных границ исторической памяти. Происходит столкновение традиционных для общества образов прошлого с новыми, формирующимися именно в настоящее время. Подвергаются трансформации места памяти, коммеморативные практики, деформируются или даже полностью разрушаются сформировавшиеся на протяжении длительного периода времени стереотипы, представления о ценностях, о традиционном образе жизни. Вследствие этого задача сохранения национальной и этнокультурной идентичности в складывающихся условиях приобретает особый практический смысл.

В Могилевском областном музее имени П.В. Масленикова представлены проекты, посвященные Году исторической памяти. Одна из центральных экспозиций – выставка макетов сожженных деревень. 2022 год

Актуальность изучения вопросов исторической памяти в современном белорусском обществе не исчерпывается их востребованностью исключительно политической риторикой. Здесь присутствуют и ярко выраженные внеполитические формы проблематизации прошлого, связанные с локальными историями региона или области, промышленного или сельскохозяйственного предприятия, отдельных институций и отмечаемые празднованиями юбилейных дат, публикациями, дискуссиями не только местного значения. Приписывание значимым событиям прошлого атрибутов исторического дискурса предполагает их легитимацию не только в рамках локальной истории, но и истории Беларуси в целом.

Актуальность социологического анализа отношения к прошлому связана также с широким контекстом социокультурных процессов в белорусском обществе, продолжающем конструировать свои символические основания, в том числе и в историческом контексте. Изучение механизмов исторической памяти, особенностей их воздействия на общество в целом, на конкретные социальные группы и сознание отдельных индивидов позволяет глубже понять многомерную социальную реальность и обеспечить возможность эффективного социального управления, планирования и прогнозирования процессов общественного развития.

Знание особенностей эволюции исторической памяти остро востребовано в практике формирования ценностных приоритетов современного молодого поколения. Такой анализ способствует определению вектора дальнейшего развития молодежи как стратегического ресурса развития общества и одного из наиболее влиятельных социальных субъектов. Тем самым социологическое изучение исторической памяти и выявление тенденций ее развития служит основой формирования политики памяти для настоящего и будущего всего общества.

Наконец, сохранение исторической памяти – важнейшее условие формирования патриотизма. В свое время наш выдающийся соотечественник и просветитель Франциск Скорина писал: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведають гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках чують виры своя; пчелы и тым подобная бороняць ульев своих, – тако же и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають» [12, с. 60].

Социальные механизмы исторической памяти

В современной научной литературе представлены различные подходы к пониманию сущности и классификации социальных механизмов формирования, сохранения, функционирования и межпоколенческой трансляции исторической памяти. Российский исследователь О.О. Дмитриева к механизмам формирования исторической памяти относит

такие концепты, как историческое сознание, коммеморация, рекоммеморация, образы прошлого, места памяти [13]. В качестве фундаментальной основы исторической памяти она предлагает рассматривать образ прошлого.

Л.Н. Мазур, разграничивая источники и механизмы формирования исторической памяти, отмечает, что «роль источника связана с задачами фиксирования и преобразования исторической информации в образы (литература, искусство) или логические структуры (наука). Механизм отвечает за трансляцию имеющихся в обществе исторических знаний и представлений» [14, с. 247]. К источникам ученый относит историческую науку, искусство и литературу, личный опыт, в том числе документированный (мемуары, воспоминания, письма и т. д.). В качестве механизмов она рассматривает систему образования, средства массовой информации, устные коммуникации, места памяти.

И.А. Купцова к механизмам исторической памяти относит коды культуры, под которыми понимаются особые структуры, представляющие собой «упорядоченное множество взаимосвязанных между собой предписаний, стандартов, ограничений и установок по отношению к разным видам деятельности (коммуникативной, преобразовательно-технологической, семантической, аксиологической, познавательной, эстетической и т. п.), центральное звено которых составляет множество знаков (символов), смыслов и их комбинаций» [15, с. 123]. Такие структуры могут иметь скрытый характер и быть неприметными для наблюдателя, находя свое отражение в повседневной языковой практике, в ментальных конфигурациях. Но могут и воплощаться в таких крупных социальных комплексах, как обычаи и традиции, определяющих массовое поведение людей, конфигурацию социальных отношений и взаимодействий. Существуют и более масштабные и устойчивые структуры, которые вырабатываются, закрепляются и воплощаются в таких исторически укорененных массовых мероприятиях, как народные или государственные праздники, богослужебные каноны и обряды и прочее.

Т.В. Пушкарева в «предварительный каталог механизмов исторической памяти» включает утверждение, забвение, забывание, вытеснение, контаминацию, переакцентирование [16]. Иначе раскрывает содержание социальных механизмов памяти Н.В. Матвеева. По мнению ученого, они «включают четкое определение содержания взаимодействия социальных субъектов, участвующих в процессе, и распределение выполняемых функций в отношении сохранения нормального соотношения традиционного и инновационного в исторической памяти молодежи» [17, с. 135].

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что одним из базовых механизмов формирования исторической памяти служит формирование образов прошлого. К ним относятся создаваемые в художественных произведениях образы исторических событий и персонажей; сохраняющиеся в народной памяти образы наиболее ярких общественных и политических деятелей и военачальников, ученых и изобретателей, писателей и поэтов, художников и музыкантов; хранящиеся в семейной памяти образы повседневности и домашнего быта, традиционного жизненного уклада, обычаев и традиций, передающихся от старших поколений к младшим, бережно наследуемых и тщательно оберегаемых. Процесс отбора образов прошлого и их сохранения в настоящем связан с такими понятиями, как коммеморации и рекоммеморации.

Одним из механизмов исторической памяти служит процесс забвения. Его причины могут быть самыми различными: чувство вины, травматический опыт прошлого, целенаправленное манипулирование общественным сознанием и др. В целом же забвение является неотъемлемым элементом исторической памяти и помогает выстроить целостную внутреннюю логику исторического прошлого.

Еще одним концептуально важным механизмом формирования исторической памяти служит создание мест памяти. Французский историк П. Нора, автор масштабного проекта *Les lieux de memoire*, предложил понимать под местом памяти «утрачиваемое нами прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда» [18, с. 26]. Это те топографические, монументальные, символические, функциональные места, с которыми общество связывает свои воспоминания. Они не являются местами в узком, географическом смысле, они определяются как своеобразные точки пересечения, на которых складывается и концентрируется память общества. Их главная функция – сохранение коллективной памяти.

Актуальность глубокого научного исследования социальных механизмов исторической памяти обуславливается осознанием целого ряда противоречий, характерных для настоящего этапа развития общества. В первую очередь это противоречия между необходимостью воспроизводства традиций как одного из ключевых условий социальной консолидации общества и обеспечения преемственности в его развитии, и нарастанием инновационной составляющей в существующих социальных практиках, что побуждает к закреплению в исторической памяти молодежи новых, не характерных для старшего поколения знаний, оценок, стереотипов поведения, ценностных ориентаций. Закреплению

Урок исторической памяти в Чирковичской средней школе имени П.М. Стефановского в Светлогорском районе. 2022 год

инновационных форм свободного времяпрепровождения молодежи в социально приемлемом, конструктивном виде способствуют совместные целенаправленные усилия таких социальных институтов, как семья и школа. Реализация данной задачи предполагает комплексное использование накопленных научно-методических и кадровых ресурсов образовательных учреждений и социальных возможностей семьи.

За последние десятилетия механизмы формирования исторической памяти претерпели значительные изменения. К этому привело и существенное сокращение масштабов и роли межличностных коммуникаций как первоочередных факторов сохранения живой памяти о прошлом своей семьи, своей страны и своего народа, изменение роли СМИ, учреждений культуры и образования в деле обеспечения преемственности поколений. Проблематичной остается роль семьи как эффективного механизма трансляции информации о прошлом, существует проблема разрыва поколений, невысокой остается степень доверия к авторитету учителя и родителей, что крайне негативно сказывается на формировании исторической памяти современных детей и подростков. Все вышеизложенное актуализирует задачу научного анализа сущности и особенностей функционирования социальных механизмов исторической памяти в современном обществе, а эффективным средством ее реализации должен служить социологический мониторинг.

Таким образом, принципиальная значимость проблемы исторической памяти в условиях продолжающегося переосмысления прошлого, информационных войн и политической нестабильности в мире не вызывает сомнения: общее наследие, общая историческая память выступают в качестве ключевого элемента формирования национальной идентичности и национального единения. По этой же причине историческая память является одним из центральных объектов манипулирования для различных политических сил, заинтересованных в формировании и сохранении определенных образов прошлого в угоду собственным интересам. Разрушить сакральный образ прошлого, лишить молодежь понимания необходимости изучать историю, перекодировать систему традиционных семейных и религиозных ценностей, чтобы создать в итоге легко управляемое марионеточное общество, – таковы цели, которыми руководствуются современные манипуляторы исторической памятью. При этом существует четкое понимание: сложно манипулировать человеком, который знает прошлое и с уважением относится к опыту предыдущих поколений.

Современная социально-политическая ситуация весьма актуализировала проблему консолидации белорусского общества. «Чем больше общество – масса унифицированных потребителей, тем оно слабее. Чем больше общество – народ, в котором объединены личности на основе общего менталитета, национальной культуры и традиций, тем оно сильнее», – пишет академик Е.М. Бабосов [19, с. 20].

На рубеже второго-третьего десятилетий XXI века всем и каждому принципиально важно осознать: сам народ должен определять вектор дальнейшего развития общества, с кем должно объединяться и с кем разъединяться с учетом современного мирового контекста, обусловленного как новыми интеграционными процессами, так и новыми разделительными линиями. Не совершить тупиковый выбор, не попасть в историческую западню, верно определить надежную перспективу для своего дальнейшего устойчивого развития – таковы важнейшие задачи, стоящие перед нашим обществом в настоящее время. Их социальной значимости должна соответствовать и выработка единых подходов к решению указанных задач. Это, прежде всего, оценка реального состояния исторической памяти как фактора консолидации белорусского общества и выявление тенденций ее развития.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – Т. I. – 487 с.
2. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
3. Ренан, Э. Что такое нация? / Э. Ренан // Собр. соч.: в 12 т. – Киев, 1902. – Т. 6. – С. 87–101.
4. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
5. Данилов, А.Н. Историческая память в культуре современного города / А.Н. Данилов // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. науч. тр. / Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2021. – С. 24–29.
6. История белорусской государственности: в 5 т. / А.А. Коваленя [и др.] – Минск: Беларуская навука, 2020. – Т. 5: Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.) / отв. ред. Н.В. Смехович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 759 с.
7. Коваленя, А.А. Отстаивать правду Великой Отечественной войны / А.А. Коваленя // Проблемы управления. – 2015. – № 2 (55). – С. 25–32.
8. Лашук, И.В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия / И.В. Лашук // Социологический альманах. – 2015. – Вып. 6. – С. 210–220.
9. Матусевич, О.А. Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы / О.А. Матусевич // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2017. – № 2 (203). – С. 74–78.
10. Особая для нас история и память // Беларуская думка. – 2021. – № 6. – С. 5–11.
11. Валаханович, И. Единство исторической памяти белорусов через призму государственных, общереспубликанских праздников и памятных дат / И. Валаханович, В. Пунченко // Беларуская думка. – 2021. – № 11. – С. 66–72.
12. Скарына, Ф. Прадмовы і пасляслоўі / Ф. Скарына, рэд. В.В. Барысенка. – Мінск: «Навука і тэхніка», 1969. – 240 с.
13. Дмитриева, О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке / О.О. Дмитриева // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2015. – Вып. 63, № 6 (361). – С. 132–137.
14. Мазур, Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л.Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243–256.
15. Купцова, И.А. Коды культуры как механизм исторической памяти / И.А. Купцова // Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: материалы IV международной научно-практической конференции, Москва, 11 марта 2013 г. / РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова; отв. ред. Л.А. Рапацкая. – М., 2013. – С. 120–125.
16. Пушкарева, Т.В. Механизмы исторической памяти: попытка каталогизации [Электронный ресурс] / Т.В. Пушкарева // Материалы III Всероссийского социологического конгресса / Институт социологии РАН, Российское общество социологов. – М., 2008. – Режим доступа: https://www.isras.ru/abstract_bank/1208796731.pdf. – Дата доступа: 01.02.2022.
17. Матвеева, Н.А. Социальные механизмы формирования и регулирования исторической памяти молодежи / Н.А. Матвеева // Вестник Алтайской науки. – 2015. – № 1. – С. 134–138.
18. Нора, П. Франция – память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Дины Хапаевой. – СПб: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. – 333 с.
19. Бабосов, Е.М. Роль государственного суверенитета и национальной культуры в созидании нового мироустройства / Е.М. Бабосов // Социология. – 2010. – № 3. – С. 11–20.